

ТАНАТОС И ПРЕОБРАЖЕНИЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО
 В ОТКЛИКАХ Э. МЕТНЕРА И ВЯЧ. ИВАНОВА
 (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РИМСКОГО АРХИВА
 ВЯЧ. ИВАНОВА)

АНДРЕЙ ШИШКИН

В апреле 1934 г. на Страстную Пятницу Эмилий Метнер из Цюриха, где он жил уже второе десятилетие, писал Вяч. Иванову в Павию, что в северной Италии. Письмо начиналось пасхальным приветствием, а заканчивалось, видимо ответом на вопрос поэта, так:

О кончине Андрея Белого ничего не могу сказать, т<ак> к<ак> он кончился для меня в 1916 г. Единственное, что меня потрясло, это – известие, будто он за несколько часов до смерти просил прочесть ему стихотворение, по содержанию кот<орого> (как мне его передавали) я не мог не вспомнить тех, что он посвятил мне (это “закатные” и о “старинном друге”). – Потрясло это меня не эстетически-сентиментально, а как предсмертный упрек, что я не простил его; года два или три тому назад, когда здесь гостил театр Таирова, одна актриса, Киреевская,¹ по поручению Бориса Н<иколаевич>а, говорила со мною о нем и о нашей ссоре; сказала, что Б<орис> Н<иколаевич>ч ждет (но не просит, т<ак> к<ак> не считает себя виновным) моего прощения; ей не удалось уговорить меня; я поручил ей передать ему сердечный привет, но не прощение. – Кончаю. Обнимаю Вас крепко, дорогой.

Любящий Вас Э. Метнер.²

За холодной дистанцированностью и малоуместным каламбуром (“о кончине” – “кончился”) в этих противоречивых строках стояла драма разрыва.³ В первые годы XX века московские мифотворцы – Андрей Белый вместе с Эллисом (Кобылинским) и Метнером – основали “братство аргонатов”. Упомянутые здесь поэтические тексты “Золотое руно” и “Старинный друг” (1903) были наиболее значительными стихотворениями в цикле “аргонатов” в первой книге Белого *Золото в лазури*. “Золотое руно” воспринималось современниками как своеобразный пароль “аргонатов” и их посвятельная клятва,⁴ “Старинный друг” повествовал о встрече двух друзей уже за гранью жизни. Мы можем увидеть здесь своеобразную мифопоэтическую дивинацию, попытку предсказания будущего:

Старинный друг, к тебе я возвращался,
весь поседев от вековых скитаний.
Ты шел ко мне. В твоей простертой длани
пунцовый свет испуганно качался.

Ты говорил: “А если гном могильный
из мрака лет нас разлучить вернется?”
А я в ответ: “Суровый и бессильный,
Уснул на веки. Больше не проснется”...

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

Надев одежды пышно-золотые,
мы, старики, от счастья цепенели.
Вперив друг в друга очи голубые,
у очага за чашами сидели.

.....
Вдруг видим – лошади в уборе жалком
к чертогу тащат два железных гроба.
Воскресший гном кричит за катафалком:
“Уйдите вы в свои могилы оба”...⁵

Мистический сюжет этой дивинации особенным образом прочитывался в 1934 г., на фоне последних, несчастливых, лет жизни Белого и Метнера: встреча двух друзей после разлуки и изгнания, надежда на освобождение от смерти, ее неминуемый приход, бездна времени и вечность, наконец, соединение в загробном мире. Но на пороге смерти

Белого этот мифопоэтический текст делался как бы “письмом с того света”. Можно только догадываться о мыслях, которые вызывали эти строки у “старинного друга”, который отказался от примирения.

Между тем, в начале века Метнер был ближайшим другом и союзником Белого. Метнер записывал в своем дневнике от 16 сентября 1902 г.:

Борис Бугаев – единственный человек из ныне живущих и мне личных знакомых, который понимает меня до конца... Борис Бугаев по своему духу – самый близкий мне человек, начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убеждениями, созерцаниями – у нас одинаково...⁶

О Метнере этой эпохи Белый вспоминал в своей книге *Начало века* (1930) так:

Труд, не написанный им, в сознании моем переворачивал свои страницы, играя и краской, и линией правды: в десятилетиях дружбы, в сотнях писем, в тысяче им мне подаренных часов, когда он, немой в большом обществе, но светозарный в своем круге, вписывал свой труд в наши сердца: с деталями, с комментарием к каждой книге; две им написанные книги – *Музыка и модернизм* и *Размышления о Гете* – бледные перепевы им уже сказанного.

В этом же ключе были и другие беловские зарисовки, которые в воспоминаниях составили главку “Эмилий Метнер”. Писатель следовал здесь принципу описывать современника “не таким, как он стал, а таким, каким был”, – объяснял он в предисловии 1932 г.⁸

Как известно, разрыв произошел в середине 1910-х гг. из-за обращения Белого к антропософии Рудольфа Штейнера. Между прочим, не приняли уход к Штейнеру также и многие другие друзья Белого (например, А. А. Блок или С. М. Соловьев). Но в случае Метнера расхождение было вынесено на страницы печати. В 1914 г. в издательстве “Мусагет” Метнер издал объемистую – 527 страниц! – книгу *Размышления о Гете. Книга 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма*. В ней штейнерианство было представлено как искажение гетеанства.

Белый ответил книгой *Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности* (Москва, 1917). В ходе последовавшей полемики, теоретическое расхождение превратилось в личный конфликт, затем в смертельную вражду.⁹ В 1920-е гг. сам Белый признавался, что пришел к идее “не пощадить” “старинного друга”, и, не ограничиваясь защитой “Доктора”, “уничтожить метнерово понимание Гете, зная, что этого мне Метнер не простит никогда”.¹⁰ В своей частной переписке Белый мог

упомануть Метнера как “умолкшего” друга, кривая жизни которого – “взлет ‘горé’”¹¹ в путевых заметках *Ветер с Кавказа* сожалеть о потере друга-врага,¹² а в мемуарах – отделить образ “аргонавта” от Метнера эпохи 1913-1916 гг., когда тот стал для поэта “врагом”, всадившим поэту “под флагом бывлой дружбы” “нож в сердце”.¹³

Время не притупило чувств и Эмилия Метнера. Разрыв с Белым – почти постоянная тема Метнера в его письмах из Швейцарии к Вяч. Иванову. Уже в первое письмо 6 мая-23 июня 1925 г., краткий отчет о событиях своей жизни за последние годы, Метнер заключал: “Моя ‘пря’ с ‘meine anthroposophischen Freunde’ вероятно Вам известна.” В других письмах к Иванову имя автора *Золота в лазури* не раз возникало в самых разных контекстах. Метнер, в частности, вспоминал, что был обязан московскому поэту псевдонимом: “Окрестил же Андрей Белый меня для статей в *Золотом Руне* Вольфингом” (письмо от 29 апреля 1933 г.). Но Белый после 1916 г. больше не существует для “старинного друга” – “Андрей Белый сам уничтожил свою дружбу со мной” (письмо от 8 июля 1929 г.).

В 1935 г. Метнер вновь вернулся к своему спору с Белым в большой статье на немецком языке, посвященной Карлу Густаву Юнгу.¹⁴ В 1917 г. именно Юнг, как сообщается здесь, оказался терпеливым и сочувствующим слушателем многочасовых рассказов Метнера о его разрыве с Белым. Расспрашивая Метнера, Юнг пытался уяснить психологию личности Белого и Штейнера и создать их аналитический портрет.¹⁵ В конце концов, Юнг настоял на том, чтобы Метнер подробно записал свое изложение конфликта с Белым. Имеет смысл привести большой фрагмент из статьи 1935 г., никогда полностью не воспроизводившийся на русском языке:

На мою русскую книгу, которая незадолго до начала войны вышла в Москве и, среди прочего, подверглась острой, однако чисто научной критике со стороны антропософов, один русский писатель, который имел большой вес и как поэт, и как мыслитель, еще до войны ставший антропософом, отозвался критикой, крайне для меня болезненной, уснащенной множеством намеков, но под маской притворной научности, – и при этом самого личного свойства.

Эта, весьма пространная, критика вышла в свет в Москве через три года после выхода моей книги, то есть, в то время, когда я не мог ожидать чего-либо подобного и не имел возможности ответить, поскольку все мои связи с родиной были разорваны из-за переворота. Уже одной этой катастрофы было для меня вполне достаточно. Но надо было придти еще одному целенаправленному удару. Если бы этот писатель не был моим ближайшим и доверенным другом на протяжении целых 15 лет, если бы он не был

столь знаменит и не был бы известен также и в Западной Европе, мне было бы не так тяжело перенести этот удар.

Мне показалось, что разыгрывается акт моей жизни, который я мог бы назвать “Друг умер, да здравствует друг!” – поскольку я принадлежу к типу людей, которым для их самобытия и самостановления необходимо дружить и пестовать дружбу, а потому они постоянно пребывают в поиске дружбы. Удивительно: мой, если так выразиться, принудительный разрыв с Андреем Белым и само собой случившееся сближение с Юнгом, который помог мне в этот момент и как психолог, и просто как человек, произошли в течение двух недель в Шато д’О (в 1917 году).¹⁶

Многое здесь может показаться достаточно поразительным: и жесткие оценки в адрес уже покойного поэта, и утверждение культа дружбы (действительно, в высшей степени присущего русской культуре начала века – ср. пары Вяч. Иванов – Эрн, или П. Флоренский – С. Булгаков), и осмысление роли Юнга – не столько как практикующего психоаналитика, сколько как творческой личности, равновеликой по значительности Белому. Показательно, что Метнер несколько месяцев медлил с отсылкой этой статьи Вяч. Иванову, а послав ее, счел необходимым специально объясниться:

Шлю Вам наконец отпечаток своей статьи из *Festschrift*. Без малого полгода, что я имею эти отпечатки. Но Вам не решался показать по двум причинам:

1) Статья не вышла такою, какою я ее задумал [...] 2) Сомневался из-за абзаца об Андрее Белом. Думаю, что Вы сочтете меня злопамятным, т<ак> к<ак> я де не простил А. Белому и после его смерти. Но мне необходимо было упомянуть о нем – самая тема требовала этого. Впрочем да: ему я до сих пор не могу простить ни его штейнерианства, ни его глубоко- и хитро-фальшивой памфлетной критики моей книги... – Но упоминание Андрея Белого в статье об Юнге вполне предметно обосновано, а не лично подсказано каким-то мстительным чортиком. (Письмо от 9 марта 1936 г.)

Любопытно совпадение: как раз весной 1936 г. Вяч. Иванов убеждал примириться с Метнером третьего “аргонавта” – Эллиса (Л. Кобылинского), тот благодарно воспринял ивановский совет, но запоздал: Метнер умер ранним утром 11 июня в психиатрической клинике в Германии.¹⁷

Мы не знаем, как и от кого первого к Вяч. Иванову пришло известие о кончине Андрея Белого. К середине 1930-х гг. его связи с советской Россией практически оборвались. Но уже 14 января 1934 г. Иванов, на-

чинавший тогда зимний семестр в павийском Коледжо Борромео, получил из Милана письмо от художницы, переводчицы и антропософки Елены Григорович, в котором говорилось: “Я близко чувствовала Б<о-риса> Н<иколаевича> между нами в эти дни в Павии, а теперь еще ближе. Пусть <он> всегда останется с нами на наших ‘лестницах’”¹⁸

В библиотеке Вяч. Иванова в Риме сохранился 55-й выпуск парижских *Современных записок* с посвященными смерти Белого публикациями М. Цветаевой и В. Ходасевича. В конце 1934 г. Вяч. Иванов получил оттиск статьи Ф. Степуна ‘Памяти Андрея Белого’ из следующего, 56-го выпуска *Современных записок*.¹⁹ Статья Степуна была близка многим идеям Вяч. Иванова о творчестве автора *Петербурга*. Но когда уже через ряд лет Вяч. Иванов откликнулся на смерть Белого, ему больше припомнилось, как кажется, эссе Марины Цветаевой ‘Пленный дух’.

Этот отклик мы находим в первом августовском стихотворении “Римского дневника 1944 г.”. Стихотворение известно по публикации О. Дешарт.²⁰ В Римском архиве Вяч. Иванова сохранилась его первоначальная редакция, в которой “беловский” слой представлен нагляднее, чем в окончательном варианте.²¹ Приводим первоначальный вариант стихотворения:

Под знаком Девы солнце парит,
Зной пышет яростней, чем Лев.
Спрячь голову: стрелой ударит
Любовь небесная – иль гнев.

Был небу мил, кто дали мерил
Кометным бегом – и сгорел,
Кто “золотому блеску верил”,
Поэт, – и пал от жарких стрел.

В бестенный полдень сколько милых
Теней глядят через смерть!
И сколько глаз в твоих светилах
Сверкнет, полуночная твердь!

И скольких душ в огнях падучих
Мгновенный промелькнет привет!
Угаснет пламень искр летучих;
Начальный не померкнет свет.

Но лишь в нетварном убеленье
Земля завидит свой Фавор,
Над полым гробом уж Успенье
Величит ангельский собор.

Заветный день Мадонны Снежной,
Пожар чистилища свяжи
И, след стопы лелея нежной,
Остылый пепел заснежи!

2/5-VIII '44

Формально стихотворение написано на десятилетие кончины Андрея Белого.²² О композиционном принципе ‘Римского дневника’ сказано в стихотворении, датированном 8 августа. Подобно тому, как взвиваются в простор стаи ласточек в вечерний час, “когда закат оденет полнеба в золото”, так душа ныне спешит напуганно каждый миг “волной лирических отзвучий”. *Свет Вечерний* – так назван и весь поэтический сборник, завершаемый ‘Римским дневником’.²³ Высокое небо, освещаемое закатным светом, символизирует преддверие последнего пути, с высоты которого можно видеть события и вещи проще, в чем-то отрешеннее, или значительнее, в некоей мистической вертикали.

Принцип “отзвучия” в ряде августовских стихотворений осуществлен так: в эпиграф или в сам поэтический текст введен законченный мифопоэтический фрагмент, принадлежащий далекому “собеседнику”, с которым затем разворачивается диалог. Таковы стихотворения обращенные к А. Блоку (№ 6),²⁴ Хуану де ла Крузу (№ 10),²⁵ Блаженному Августину (№ 11).

В случае Андрея Белого таким мифопоэтическим фрагментом оказывается его известное стихотворение 1907 г. ‘Друзьям’ (“Золотому блеску верил...”).²⁶ Сам Андрей Белый видел в нем “эпитафию себе”; о том же писал Вл. Ходасевич.²⁷ М. Цветаева отмечала в своем эссе в *Современных записках*:

Умер Андрей Белый “от солнечных стрел”, согласно своему пророчеству 1907 г.:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел... (с. 252)

Не исключено, что из цветаевского эссе в ивановский текст, хотя и в видоизмененном виде, пришла идея “посмертья” поэта, а ее рассказ о панихиде в парижском Сергиевском Подворье по Андрею Белому – “православных проводах *сожженного*” (курсив мой – А. Ш.) – откликнулся в заключительной ивановской строке, ключевой для смысла всего текста.

Это четверостишие из стихотворения Белого ‘Друзьям’ Вяч. Иванов привел во второй строфе своего стихотворения, но – в соответствии со своей диалогической поэтикой, со смысловым сдвигом. Если Белый говорил о себе: “Думой века измерил, / А жизнь прожить не сумел”, то Иванов ему противоречит: “Был небу мил кто дали мерил.” Свое-

образный диалог с Андреем Белым осуществлен и на макро-уровне стихотворения: солнечно-огненный танатологический миф – беловское “умереть, чтобы... воскреснуть” – введен в специфический “римский” миф Вяч. Иванова. В ‘Римском дневнике’ ходу мироздания довлечет смена планетных знаков, причем в самом явном и простом значении: на смену римскому знойному Июлю (созвездие Льва) приходит палящий Август (созвездие Девы).²⁸ Но, в соответствии с ивановским принципом “от реального к реальнейшему”, календарное время подчинено литургическому, в данном случае – римскому церковному календарю. Стихотворение закончено 5 августа, в день одного из самых чтимых римских праздников – In dedicazione S. Mariae ad Nives (Св. Марии Снежной). “По храмовому преданию римской базилики Санта Мария Маджора, Пресвятая Дева сама определила место и размеры будущей церкви знаменем снега, выпавшего на холме Эсквилинском в ночь на 5 августа 352 года”, – пояснял Вяч. Иванов в другом месте.²⁹ Молением о снеге к римскому празднику S. Mariae ad Nives это непростое стихотворение завершается:

Заветный день Мадонны Снежной,
Пожар чистилища свяжи
И, след стопы лелея нежной,
Остылый пепел заснежи!

Судьба Андрея Белого в композиции стихотворения, как видим, включена в литургическое время, которое преодолевает смерть, ведет к Преображению. Образы стихотворения полисемичны; помимо литургического значения здесь можно увидеть отсылки к концептам и символам из поэзии Белого, в частности, к образу пепла и стихии огня.³⁰ Само имя Белого как бы растворено в тексте: анаграмматически оно присутствует во второй строфе, тематически – в бело-лазурно-золотой цветовой гамме всего стихотворения.

Символисты любили гадать о метафизической б е л и з н е бугаевского псевдонима. Метнер писал: “Андрей – по-гречески: мужественный, храбрый, отважный. Итак, смел и бел, соединение дерзновения со спокойствием, духа ратного и благодатного.”³¹ “Голова его <Б. Бугаева> построена очень хорошо; она свидетельствует о способности этого колоссального ума со временем уравновеситься, стать ‘белым’.”³² Флоренский в набросках рецензии о *Золоте в лазури* отмечал: “желто-золотой (мужской) + голубо-лазурный (женский) = белый (синтез) [...] Золото – Христос. Лазурь – София.”³³ Подобным образом писал и Вяч. Иванов в рецензиях на *Пепел* и *Петербург* Белого: “Поэт, чаявший белой соборности в свете и святой славе,”³⁴ “В белую Фиваиду на русской земле поэт, я знаю, верует”: окказионализмы “белая собор-

ность”, “белая Фиваида”, конечно, были гаданием о теургической энергии, которой в своей высшей потенции обладает имя писателя. Того же рода и строка о “нетварном убеленье” и преображении (‘Фавор’) в стихотворении 1944 г. Так образ и миф возвращения/преображения/воскрешения получают у Вяч. Иванова новое значение в римском празднике S. Mariae ad Nives, Божией Матери Снежной. Ею оправдан и спасен пепел сгоревшего мира, в символистском контексте стихотворения – сам поэт, его мир и судьба.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Галина Сергеевна Киреевская (1897-1987) – актриса Камерного театра, член антропософского общества, хорошая знакомая Белого.
- 2 Архив Вяч. Иванова в Риме. Оп. 3 № 141. Далее фрагменты из писем Метнера к Иванову приводятся в тексте без сносок.
- 3 Совсем в ином ключе писал Метнер в Москву к Вере Карловне Тарасовой: “Искренность и теплота в отношении ко мне была всегда у А. Белого (с 1902 г.); я знаю, что он любил меня м<ожет> б<ыть> больше, чем Блока и С. М. Соловьева” (письмо от 15 апреля 1934 г.; сообщено М. Юнгтеном).
- 4 А. В. Лавров, *Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность*, Москва, 1995, с. 115.
- 5 Андрей Белый, *Стихотворения и поэмы*, Москва, 1994, с. 76.
- 6 Цит. по Андрей Белый, *Стихотворения и поэмы*, с. 504 (прим. С. И. и В. М. Пискуновых).
- 7 Андрей Белый, *Начало века* (подготовка текста и комм. А. В. Лаврова), Москва, 1990, с. 88. См. также с. 582 (в прим. № 142 А. В. Лаврова первоначальный вариант текста).
- 8 Там же, с. 14.
- 9 См. М. Юнгтен, *Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера*, Санкт-Петербург, 2001, сс. 114-126, 153-167 и др.; Андрей Белый и Иванов-Разумник, *Переписка*, Санкт-Петербург, 1998, с. 61 (прим. № 6 А. В. Лаврова и Дж. Малмстада).
- 10 Андрей Белый, ‘Материал к биографии (интимный)’, *Минувшее: Исторический альманах*, вып. 8. Paris, 1989, сс. 412, 416. История полемики изложена в комментариях И. Н. Лагутиной в кн. Андрей Белый, *Собрание сочинений: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере*, Москва, 2000. Здесь же приводятся фрагменты из неопубликованного ответа Метнера Белому.

- 11 Письмо к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 г. в кн. Андрей Белый и Иванов-Разумник, *Переписка*, с. 637.
- 12 “Поняли вы, что та твердость – не злоба, а принцип, доказанный всей ситуацией жизни моей” (Андрей Белый, *Ветер с Кавказа: Впечатления*, Москва, 1928, с. 292). Отмечено М. Юнгтеном в кн. *Русский Мефистофель*, с. 228 (прим. 51).
- 13 Андрей Белый, *Начало века*, с. 15.
- 14 ‘Bildnis der Persönlichkeit im Rahmen des gegenseitigen Sich Kennenlernens’, *Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie* (Herausg. vom Psychologischen Club Zürich), Berlin, 1935. Юнг достаточно подробно откликнулся на эту статью в письме к Метнеру от 31 июля 1935 г.; см. М. Юнгтеном, *Русский Мефистофель*, сс. 257-258.
- 15 Подобный портрет Белого см. в письме Метнера к Тарасовой от 15 апреля 1934 г. в кн. М. Юнгтеном, *Русский Мефистофель*, сс. 228-229.
- 16 Перевод с немецкого Марии Каменкович.
- 17 Первая часть письма Эллиса к Иванову (апрель 1936 г.; с пометой “Очень интимно”) посвящена разрыву с Метнером (Русско-итальянский архив П. Salerno, 2002, сс. 160-162); при желании в этих страницах можно увидеть параллели с разрывом Метнера и Андрея Белого.
- 18 Архив Вяч. Иванова в Риме. Фонд Е. Ю. Григорович (1872-1960). О ней см. Claudia Scandurga, ‘L’emigrazione russa in Italia: 1917-1940’, *Europa Orientalis*, XIV, 1995, 2, с. 354.
- 19 Оттиск надписан “На память о А. Белом и Ф. Степуне. [...] Дрезден XI. 34”.
- 20 Вяч. Иванов, *Свет Вечерний*, Oxford, 1962.
- 21 Автограф карандашом. Римский архив Вяч. Иванова. Картон II. Папка I. Л. 208. То, что “вторая строфа вспоминает Андрей Белого” было указано уже при первой публикации Ольгой Дешарт (см. Вяч. Иванов, *Свет Вечерний*, с. 215).
- 22 У Вяч. Иванова можно отметить внимание к “круглым датам”. Так, первый раздел его книги *Борозды и межи* (1916), был посвящен статьям о Ф. Достоевском, Л. Толстом и Вл. Соловьеве, сами статьи были сочинены соответственно по поводу 30-летия, годовщины и десятилетия кончины писателей; в связи с этим раздел назывался “Героические тризны”.
- 23 Как и предчувствовал поэт, увидел свет сборник уже посмертно, в 1962 г. Символично, что за два дня до собственной смерти, 14 июля 1949 г., Вяч. Иванов дорабатывал мифопоэтический автобиографический сонет, начатый четырьмя месяцами раньше, который завершался так: “И надвое, что было плоть одна, / Рассекла Смерть секирой беспощадной” (Вяч. Иванов, *Свет Вечерний*, с. 103; ср. с. 205).
- 24 Ср. разбор № 6 у С. С. Аверинцева в его кн. *Скворещица вольных граждан... Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами*, Санкт-Петербург, 2001, сс. 128-130.

- 25 См. М. Х. Седано-Сьерра, В. Е. Багно, ‘Вяч. Иванов и Сан Хуан де л. Крус’, Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура, Москва, 2003, сс. 52-60.
- 26 Н. К. Метнер положил его на музыку в 1907 г. (М. Юнгтеном, *Русский Мефистофель*, с. 32).
- 27 Андрей Белый, *Начало века*, сс. 18, 563 (прим. 12).
- 28 Здесь Иванов следует традиции средневековых латинских часословов.
- 29 Вяч. Иванов, *Свет Вечерний*, с. 190. Базилика S. Maria Maggiore – самая древняя и большая церковь в мире, посвященная Деве Марии.
- 30 Ср.: “‘Пепел’ – книга самосожжения и смерти: но сама смерть есть только завеса, закрывающая горизонты дальнего, чтоб найти их в ближнем” (вместо предисловия <к сборнику *Урна*>; цит. по Андрей Белый, *Стихотворения и поэмы*, Москва-Ленинград, 1966, с. 545); “И ты, огненная стихия, / Безумствуй, сжигая меня” и др.
- 31 А. В. Лавров, *Андрей Белый в 1900-е годы*, с. 147.
- 32 Там же, с. 99.
- 33 Свящ. П. Флоренский, *Сочинения в 4 томах*, т. 1, Москва, 1994, с. 695. Эта формула должна была быть использована для его критической статьи о *Золоте в лазури* Белого. Сам Бугаев, переживая кризис, “усумнился во всем, что считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе в Боге, в Христе [...] В результате: презирал в себе Андрея Белого захотел стать Андрюхой Краснорубахиным” (письмо к П. Флоренскому от 14 августа 1905, *Контекст 1991*, Москва, 1991, с. 40).
- 34 Вячеслав Иванов, *Собрание сочинений в 4 т.*, т. 4, Брюссель, 1979, сс. 618-619.

Russian Literature

Croatian and Serbian
Czech and Slovak
Polish

LVIII-I/II

1 July - 15 August 2005

SPECIAL ISSUE

Andrej Belyj – On the Occasion of His 125th Birthday

CONTENTS

- BEYER, THOMAS R.
Russia's Odd Couple: Andrej Belyj and Aleksej Remizov 1
- CARLSON, MARIA
Theosophy and History in Andrej Belyj's *Peterburg*:
Life in the Astral City 29
- COOKE, OLGA M.
"Kosnojazyčie" in the Final Decade of Andrej Belyj's
Artistic Life 47
- ГАРДЗОНИО, СТЕФАНО
Традиция "песни неволи" в поэзии Андрея Белого:
"Бродяжий цикл" (сборник *Пепел*) 61
- ГАРЕТТО, ЭЛЬДА
Из архива О. И. Ресневич-Синьорелли 75
- КОМЕЛЛИ, АЛЕССАНДРО
'Мысли из лени' Андрея Белого (Из дневника
философских мыслей) 85
- ЛАВРОВ, А. В.
Андрей Белый и Эллис. О задачах "Мусагета" 93
- ЛЕКМАНОВ, О. А.
О стихотворении Андрея Белого 'Жертва вечерняя' (1903).
К теме: "Модернизм и массовая поэзия" 109